

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-275-290

Социальные представления о covid-19 в условиях нестабильной информационной среды (исследование середины 2021 года)*

М.М. Назаров¹, В.Н. Иванов^{1,3}, Е.А. Кублицкая²

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

ул. Фотиевой, б. к. 1, Москва, 119333, Россия

³Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, б, Москва, 117198, Россия

(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru; eakubl@yandex.ru)

Аннотация. Актуальность изучения социальных следствий covid-19 определяется тем, что это трансформирующее событие повлияло на самые разные стороны жизни российского общества. В статье приведены результаты опроса о коронавирусной инфекции, проведенного среди жителей столичного мегаполиса в середине 2021 года. Подавляющее большинство респондентов рассматривали коронавирус как опасное заболевание, к которому следует относиться со всей серьезностью. Феномен коронавируса в силу своей сложности, слабой изученности и массовости распространения приобрел не только медико-биологическое, но и политико-экономическое и медийное измерение. Информационное поле о происхождении, источниках и мерах борьбы с заболеванием испытывало изменения во времени и было зачастую противоречивым. Типологический анализ показал, что в обществе существует несколько групп с разными социальными представлениями о происхождении, мерах борьбы и социальных последствиях covid-19. Значительная по численности группа — около половины респондентов — разделяли представления, во многом альтернативные по отношению к официальной и доминирующей в информационном поле интерпретации коронавируса. Исследование показало, что широкое согласие с опасностью коронавируса сочеталось с приоритетом личного выбора средств борьбы с ним. Большинство опрошенных (61 %) было против введения обязательной вакцинации: среди наиболее популярных мотивов — сомнения в ее эффективности и опасения побочных эффектов; приоритет индивидуального выбора и прав граждан, нежели государства. Была обнаружена статистически значимая связь между отношением к обязательной вакцинации и доверием к власти: невысокий уровень согласия с обязательной вакцинацией очевидным образом соотносится с низким уровнем доверия к ведущим социально-политическим институтам. Показано, что российский медийный дискурс

* © Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А., 2022

Статья поступила 27.11.2021 г. Статья принята к публикации 23.03.2022 г.

о необходимости массовой вакцинации сопровождался широким распространением построенных, жестко дифференцирующих российских граждан, что не может не вызывать озабоченности в связи с задачами обеспечения социальной стабильности и единства общества.

Ключевые слова: социальные представления; медиа; Интернет; социальные сети; инфодемия; коронавирус; вакцинация; covid-19

Covid-19 оказал серьезное влияние на многие стороны жизни российского общества, что актуализировало изучение социальных представлений о данном феномене. Коронавирус фактически стал глобальным явлением, легко преодолевая границы стран и континентов. Также глобальными во многих своих проявлениях стали информационная повестка и меры борьбы с пандемией. В статье приводятся результаты исследования ковидной проблематики, в фокусе которого были следующие вопросы: какими были установки населения в связи с covid-19? Какое отношение сложилось к предпринимаемым властями мерам борьбы с ним? Каковы особенности медийного дискурса о вакцинации?

Эмпирическая основа работы — данные опроса в Москве, проведенного в июне-июле 2021 года (N = 793: выборка квотная, отражающая структуру населения столичного мегаполиса). Первичная эмпирическая информация была собрана с помощью метода онлайн-опроса. Подавляющее большинство опрошенных либо лично, либо на уровне своей малой группы испытали негативное влияние ковида; перенесли заболевание в легкой форме 37%, в тяжелой форме — 10%; существенная часть опрошенных не болела, но болели члены их семьи, близкие родственники, знакомые (36%); небольшая часть респондентов (15%) указали, что ни они сами, ни их близкие и знакомые не болели. Фактически на период исследования коронавирус затронул самые широкие слои общества.

Социальный и информационный контекст формирования представлений о коронавирусе

Говоря о сложившихся в период исследования массовых представлениях о коронавирусе, будем иметь в виду ряд обстоятельств. Следует учитывать сложность и слабую изученность явления, широкое распространение которого было связано с высокой опасностью для жизни, включая летальные исходы. По итогам первого года наблюдений за covid-19 отмечалось, что общий уровень опасности коронавируса в нашей стране менялся в зависимости от информационной повестки, принимаемых мер и числа новых заражений. Согласно ежемесячным замерам настроений по прошествии года после начала пандемии ощущение общего уровня опасности находилось на уровне 5,51 из 10 баллов. На март 2021 года около половины населения (46%) считали, что пик эпидемии пройден и она должна пойти на спад [1]. Обратим внимание на систему индикаторов влияния covid-19 на разные стороны жизни, разработанную в рамках проекта «КоронаФОМ». Полученные на этой основе мониторинговые данные позволили сделать вывод, что «если в начале россияне питали надежду на быструю победу над коронавирусом, то к концу пер-

вого месяца эпидемии стало совершенно ясно, что перспективы ее окончания очень туманны и нужно привыкать к новому образу жизни» [12. С. 46].

Поскольку москвичи на период исследования в июне-июле 2021 года прожили в условиях коронавируса более года, то новый негативный опыт не мог не сказаться на социальных настроениях. Проблема «распространения коронавирусной инфекции covid-19» заняла второе место в лидирующей группе социальных проблем, беспокоящих респондентов (49 %). Лидером по числу упоминаний стала «дороговизна жизни» (53 %), причем эта характеристика была устойчивой в последнее десятилетие, и ковид не изменил приоритеты людей. В группу наиболее важных социальных проблем также вошли «рост тарифов на услуги ЖКХ» и «произвол и бюрократизм чиновников» (по 46 %).

Пандемия стала тем новым глобальным вызовом, который привел к усилению настроений, связанных с ощущением общей угрозы, нарастанием нестабильности и опасности. Согласно глобальному исследовательскому проекту Edelman Trust Barometer, в октябре-ноябре 2020 года распространенность подобных настроений была следующей: опасения потери работы — 84 %; негативных климатических изменений — 72 %; хакерских и кибер-атак — 68 %; заражения covid-19 — 65 %; утраты гражданских свобод — 61 % [15]. Фактически ковид «вплетается» в социальную ткань, разрушая одни сложившиеся практики и интенсифицируя другие, существовавшие ранее.

Иным важным обстоятельством, с которым соотносились оценки коронавирусной инфекции, стало состояние информационной среды. Опираясь на теорию зависимости медиа, можно утверждать, что особую социальную значимость система медиа приобретает в критические моменты истории — экономических кризисов, природных катастроф, политических потрясений и социальных конфликтов [14. Р. 305–321]. В эти периоды уровни неопределенности и психологической дезорганизации возрастают, индивиды объективно оказываются более зависимы от внешней медиасреды. Медиа оказались единственным (наряду с личным опытом) источником информирования и в значительной мере решающим средством формирования представлений о содержании и перспективах борьбы с коронавирусом, о его политико-экономических и социокультурных последствиях.

В период «новой нормальности» информационная ситуация была сложной. С одной стороны, официальные оценки этого явления претерпевали изменения, причем «сигналы» со стороны уполномоченных представителей медицинских властей оказывались зачастую противоречивыми. Причем это касалось не только российской стороны, но и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), обеспечивающей на глобальном уровне координацию организационно-профилактических методов и решений, а также официальную информационную поддержку борьбы с коронавирусом. Негативная социально-психологическая атмосфера в обществе (летальные исходы, локдауны, ограничения, нарушение сложившихся практик социального взаимодействия,

новые режимы труда и отдыха и др.) послужила основанием для разных представлений о covid-19.

Анализ освещения пандемии на «Первом канале» российского телевидения в феврале-июле 2020 года выявил наличие разных информационных стратегий — смягчения, затем проблематизации и, наконец, повторной депроблематизации. Предполагалось, что подобная волновая депроблематизация могла повлиять на восприятие ситуации населением и усложнить эффективную коммуникацию с аудиторией в случае ухудшения ситуации [4]. Различные информационные стратегии официальных медиа также были выявлены применительно к цифровой среде в марте-сентябре 2020 года [10]. Исследование социально-психологических предпосылок отношения к дезинформации показало, что принятие необходимости государственных мер по защите общества от дезинформации, а также готовность к отказу от свободы общения в социальных сетях обусловлено не только просоциальными установками, но и с конспирологической ориентацией, с низким уровнем доверия [8].

Поддержание когерентной «картины мира» о коронавирусе в условиях современной информационной среды оказалось достаточно сложным. Интенсификация информационного потребления в связи с пандемией была сопряжена с более активным обращением не только к традиционным офлайновым средствам (телевидению, радио, прессе), но и к Интернету. При этом здесь внимание аудитории получали не только массовые информационные ресурсы, но, прежде всего, социальные сети. Логика использования последних изначально предполагала высокую включенность в обсуждение разной проблематики, распространение точек зрения, зачастую далеких от медийного мейнстрима.

Далеко не случайно в условиях нарастания в мировой информационной среде «лакун» и неопределенностей ВОЗ стала использовать термин «инфодемия» — «избыток или переполнение информацией, иногда точной, иногда нет, что усложняет нахождение заслуживающих доверия и надежных источников» [16]. Инфодемия стала основанием для критики в адрес ведущих технологических интернет-игроков (Google, Facebook и др.), чьи алгоритмические системы управления контентом способствовали выдвиганию на первые позиции поиска сенсационных и непроверенных материалов, которые объективно принижали значимость комментариев ВОЗ и национальных медицинских властей. Крупнейшие цифровые игроки, как и традиционные официальные медиа, практически повсеместно приняли необходимые правила игры — нежелательный контент был минимизирован, были внедрены новые технологии проверки и контроля сообщений. В качестве примера такого информационного контроля по теме коронавируса можно привести нормы публикаций, принятые мировым видеохостингом YouTube [13]. Аналогичные меры контроля были применены Facebook, Twitter и другими популярными сетями.

Оценивая подобные меры, надо учитывать, что дискуссии о коронавирусе изначально были сосредоточены вокруг позиций ВОЗ и национальных

медицинских властей. Альтернативные мнения о происхождении и особенностях заболевания, способах профилактики и лечения были выведены за рамки обсуждаемого. Причем это касалось не только массовой аудитории, но и профессионального медицинского сообщества. Очевидно, что продолжительность коронавирусной инфекции, мутация штаммов, «новые волны» заболевания и рост статистики смертельных исходов объективно обуславливали нарастание нервозности в обществе, поиск альтернативных точек зрения и активное использование для этого Интернета.

Показательно, что в вопросе о том, насколько объективно российские СМИ освещают проблемы коронавирусной инфекции, распределение ответов было следующим: объективно — 15,4%, иногда объективно, иногда нет — 44%, необъективно — 31,8%, затруднились ответить — 8,8%. Эти данные следует рассматривать на фоне общего падения доверия официальным медиа — телевидению, радио, газетам. Так, доля москвичей, доверявших СМИ, составила 30,8% в 2016 году, 25,2% — в 2018, 11,5% — в 2021. В этих условиях неслучайно в массовом сознании существовали самые разные оценки коронавирусной инфекции.

Типология массовых представлений о covid-19

В рамках исследования были изучены массовые представления о феномене ковида. На основе анализа текстов СМИ были определены 11 суждений, охватывающие ключевые моменты в предметном поле повестки дня о ковиде — как в официальной, так и в альтернативной. Суждения эти имели разную оценочную направленность, что отражало наличие неоднозначных, зачастую противостоящих друг другу представлений в информационном поле. Распределение оценок суждений приведено в Таблице 1, где оценочные суждения ранжированы по уровню согласия с каждым из них. Большинство респондентов (77,6%) рассматривали коронавирус как серьезную угрозу здоровью и жизни. Два других лидирующих суждения относятся к негативному влиянию covid-19 на социальную сферу — образование и здравоохранение. Речь идет о переводе школ на удаленные занятия (69,4%) и переориентации части клиник на борьбу с коронавирусом и, как следствие, общем росте смертности (61,9%).

Другая группа суждений, которые поддержали более половины респондентов, относится к состоянию социально-психологической усталости и переизбытка негативной информации о заболевании (55,5%); а также ожидания завершения пандемии в обозримом будущем и возвращения жизни к прежним условиям (53,6%). В приведенном перечне можно выделить группу суждений, оценки которых дифференцирует респондентов — эти суждения относятся к политико-экономическим процессам, сопряженным с коронавирусом, возможными причинами и источниками заболевания. Речь идет об интерпретации роли государства в борьбе с ковидом; представлении об искусственном происхождении вирусной инфекции; ситуации с правами

человека в условиях кризиса, с учетом интересов глобальных элит и производителей вакцин. Как доля согласных, так и доля не согласных с каждым из этих суждений была значительной.

Таблица 1

**Отношение к оценочным суждениям о коронавирусной инфекции
(% от числа опрошенных)**

Суждения	Согласен	Не согласен	З/о
Коронавирус covid-19 продолжает угрожать здоровью и жизни, поэтому мы должны относиться к этой проблеме очень серьезно	77,6	8,8	13,6
В связи с коронавирусом школы переводят на удаленный режим (онлайн-занятия), что разрушительно для образования	69,4	17	13,6
Переориентация медицинских учреждений на борьбу с коронавирусом негативно сказалась на смертности, в том числе от других заболеваний	61,9	12	26,1
Я настолько устал(а) от всех разговоров о коронавирусе, что даже не хочу думать об этом	55,5	31,1	13,4
Через один-два года влияние коронавируса ослабнет и жизнь вернется в привычное русло	53,6	14,8	31,7
Под прикрытием опасности от коронавируса власти нарушают права человека и вводят тотальный контроль над жизнью людей	46,2	27	26,9
Коронавирус covid 19 — это искусственно созданный вирус, биологическое оружие	34,7	23,2	42,1
Опасность коронавируса преувеличена — за счет этого фармацевтические компании получают огромные прибыли	31	41,6	27,4
Жесткие ограничения против коронавируса доказывают, что государства поставили жизнь человека выше экономических выгод	30,4	39,2	30,4
Ссылки на коронавирус используются глобальными элитами для преднамеренного сокращения роста мировой экономики	20,8	27,5	51,7
Коронавирус — это реакция природы, призванная ослабить негативное влияние человека на окружающую среду	19,5	47,2	33,3

Можно ли определить группы респондентов, ответы которых являются однородными — близкими по оценкам суждений? Сначала был использован метод латентно-структурного анализа (выделения латентных классов) — с его помощью можно выделить внутреннюю неявную структуру, которая обуславливает характер ответов в пространстве изучаемых переменных. Было реализовано несколько итераций этой процедуры, предполагающих разбиение эмпирического массива на устойчивые однородные группы респондентов (8 решений с количеством кластеров от 2 до 8). Результаты показали, что средние оценки

ряда переменных в выявленных группах примерно одинаковы, т.е. не являются значимыми дифференцирующими признаками и могут быть опущены на следующем шаге — при помощи двухэтапного кластерного анализа была осуществлена процедура классификации, фиксирующая наличие устойчивых типологических групп — кластеров — в связи с отношением к коронавирусу (Табл. 2). Кластеризация осуществлялась в пространстве тех признаков, которые значимо дифференцируют отношение опрошенных к изучаемому явлению.

Таблица 2

**Типологические группы в связи с отношением к коронавирусу
Средние значения переменных в кластерах***

Переменные / Кластер	1	2	3	Среднее
Преувеличение опасности коронавируса	2,47	1,26	1,25	1,89
Психологическая усталость от коронавируса	2,47	2,41	1,39	2,24
Нарушение прав человека под прикрытием коронавируса	2,58	2,10	1,26	2,19
Позитивная роль государства в борьбе за жизнь людей в условиях ковида	1,72	1,66	2,79	1,91
Коронавирус как предлог элит для замедления мировой экономики	2,28	1,36	1,81	1,93
Искусственное происхождение коронавирусной инфекции	2,44	1,51	2,1	2,11
Доля в массиве, %	52,7	27,7	19,5	100

* Приводятся краткие формулировки переменных. В таблице приведены средние значения переменных в группе (кластере); шкальные значения: «3 — согласен», «1 — не согласен»

В массиве обнаружены три внутренне однородные и отличные друг от друга группы респондентов в связи с их отношением к оценочным суждениям. Первый кластер составляют респонденты, склонные считать, что опасность коронавируса преувеличена; соглашающиеся с идеей его искусственного происхождения; выражающие опасения в связи нарушением гражданских прав в условиях коронавируса; сомневающиеся в том, что меры локдауна действительно отражают борьбу государства за здоровье граждан. Респондентам этой группы присуща усталость от избытка информации по теме коронавируса. Доля представителей этого кластера — 52,7%.

Респондентам второго кластера также присуща психологическая усталость от коронавирусной темы. Однако в отношении других переменных им свойственны иные оценки: они не согласны с идеями о преувеличении опасности инфекции, ее искусственном происхождении, связи распространения ковида с задачами сокращения роста экономики. Ближе к нейтральным позиции этой группы по вопросам позитивной роли государства и ограничении гражданских прав в связи с антивирусными мерами. Доля кластера — 27,7%.

Представители третьего кластера в большей части оценок противоположны первому кластеру. Они поддерживают жесткие ограничения, которые вводятся государством; не согласны, что при этом нарушаются гражданские права людей; согласны с позитивной ролью государства и жесткими мерами борьбы. Им не свойственна психологическая усталость от обсуждения проблем коронавируса. Доля третьего кластера — 19,5 %.

Приведенная типология дает количественное представление о том, что в обществе существует далеко неоднозначные представления о covid-19: доля респондентов, разделяющих неконвенциональные оценочные суждения, — около половины опрошенных.

Коронавирусная инфекция: отношение к мерам борьбы с заболеванием

В условиях распространения коронавируса от властей требовались оперативные и эффективные меры борьбы с массовым заболеванием. Сразу был введен ряд мер санитарной профилактики, направленных на предотвращение распространения инфекции — масочный режим, социальная дистанция, удаленная работа и учеба, в экстренных случаях — локдаун и закрытие предприятий. Ключевым инструментом в борьбе с коронавирусом изначально рассматривалась массовая вакцинация. В июне-июле 2021 года распределение ответов на вопрос, собираются ли респонденты сделать прививку, было следующим: прививку уже сделали — 21 %; собирались сделать в ближайшее время — 20 %; не собирались делать прививку — 47 %; затруднились ответить — 12 %.

Согласно медицинским властям и официальным медиа, для успеха вакцинации требовался массовый коллективный иммунитет, который следовало обеспечить максимально быстрыми темпами. В этой связи в первой половине 2021 года в СМИ стали обсуждать идею обязательной или принудительной вакцинации. Каким было отношение респондентов к этой идее: «положительное» — 14,6 %; «нейтральное» — 19,3 %; «отрицательное» — 61 %; затруднились ответить — 5 % (Табл. 3).

Наиболее яркие отличия в отношении к обязательной вакцинации связаны с возрастом: в группе 14–29 лет индекс положительного отношения составил 66, т.е. среди молодых респондентов доля поддерживающих обязательную вакцинацию на 44 % меньше, чем среди всех опрошенных. В возрастной группе старше 50 лет индекс поддержки составил 152, т.е. здесь доля поддерживающих обязательную вакцинацию на 52 % больше, чем в массиве. Эти показатели уточняют цифры положительного отношения к обязательной вакцинации среди молодых (14–29 лет) и старших (50+) респондентов: 9 % против 22 %. Негативное отношение к обязательной вакцинации также значимо разделяет представителей этих возрастных групп: 71 % против 48 %. Таким образом, в отношении обязательности вакцинации молодые респонденты настроены более мягко, чем представители старшего возраста. Поддержка обязательной вакцинации также в несколько большей степени характерна для

людей с низкими доходами. В целом негативное отношение к обязательной вакцинации присуще представителям разных социально-демографических групп в равной степени (за исключением возрастных особенностей).

Таблица 3

Отношение к обязательной вакцинации

Социально-демографические группы	Отношение к обязательной вакцинации					
	Положительное		Нейтральное		Отрицательное	
	%	Индекс	%	Индекс	%	Индекс
Пол						
Мужской	15,3%	105	22,7%	118	58,6%	96
Женский	14%	96	16,2%	84	63,3%	104
Возраст						
14–29	9,7%	66	16,6%	86	71,4%	117
30–49	11,3%	77	19,2%	100	64,9%	106
50+	22,3%	152	21,5%	112	48,5%	80
Образование						
Начальное/Среднее общее	13,3%	91	25,5%	132	59,2%	97
Среднее специальное	16,7%	114	24%	124	53,1%	87
Высшее	14,1%	97	16,3%	85	64,4%	106
Доход						
Высокий	14%	96	22,4%	116	61,7%	101
Средний	15,5%	106	18,4%	95	60,8%	100
Средне-низкий	13,3%	91	20,5%	106	60,8%	100
Низкий	22,9%	156	15,7%	81	57,1%	94

* Если индекс больше 100, то относительная доля в группе больше, чем доля среди массива в целом; если индекс меньше 100, то справедливо обратное

В исследовании были также изучено отношение респондентов к оценочным суждениям о вакцинации и обязательности этой меры. Большая часть опрошенных выступала против обязательной вакцинации по двум основным мотивам: первый мотив относился к медицинской стороне вопроса — сомнения в эффективности вакцин, опасения негативных побочных явлений (77,9%); второй мотив имел социально-правовое измерение — 78,3% отдавали приоритет в принятии решения о вакцинации индивидуальному выбору граждан, нежели государству.

Полномасштабная программа вакцинации осуществлялась на государственном уровне, в нее были включены представители властей разного уровня. В этой

связи возник вопрос: существует ли связь между доверием к властным институтам и отношением к обязательной вакцинации? Поскольку шкалы переменных доверия к институтам власти и отношения к вакцинации являются номинально-упорядоченными, то был применен однофакторный дисперсионный анализ Краскэла-Уоллиса: была проведена проверка модели влияния группирующей переменной (доверие к властным институтам) на анализируемую переменную (отношение к возможности обязательной вакцинации). В Таблице 4 приведены результаты проверки статистической гипотезы, что средние ранги отношения к вакцинации равны в каждой из сравниваемых групп доверяющих и не доверяющих институтам власти. Фактически эта гипотеза эквивалентна гипотезе об отсутствии влияния группирующей переменной на анализируемую переменную. Обратим внимание на зафиксированный уровень значимости (0,000) применительно ко всем группирующим переменным — властным субъектам, т.е. имеются все основания отвергнуть исходную гипотезу об отсутствии влияния доверия к власти на отношение к вакцинации на уровне значимости $\alpha = 0,000$ — правомерно говорить о наличии связи между доверием к властным институтам и отношением к обязательной вакцинации.

Таблица 4

Результаты проверки связи доверия к властям и отношения к вакцинации

Доверие институтам власти			Отношение к возможности обязательной вакцинации от covid-19	
	N	Средний ранг		
Президент РФ				
Доверяют	281	358,26	Хи-квадрат	47,762
Не доверяют	340	271,94	Значимость	0,000
Правительство				
Доверяют	183	380,94	Хи-квадрат	64,812
Не доверяют	427	273,17	Значимость	0,000
Совет Федерации				
Доверяют	145	364,11	Хи-квадрат	55,526
Не доверяют	429	261,61	Значимость	0,000
Государственная Дума				
Доверяют	125	390,7	Хи-квадрат	48,756
Не доверяют	486	284,22	Значимость	0,000

Кто проявляет большую поддержку обязательной вакцинации — доверяющие или не доверяющие субъектам российской власти? Напомним, что анализируемая переменная — отношение к обязательной вакцина-

ции — имеет определенный порядок (шкала: «1 — отрицательно»; «2 — нейтрально»; «3 — положительно»). Можно проследить, что средний ранг поддержки вакцинации среди доверяющих субъектам власти (Президенту РФ, Правительству, Совету Федерации, Государственной Думе) выше, чем среди не доверяющих, т.е. отношение к обязательной вакцинации связано с доверием к властным институтам. Невысокий уровень согласия с обязательной вакцинацией соотносится с низким уровнем доверия к ведущим социально-политическим институтам.

Настороженное отношение населения к инициативам российских властей в связи с вакцинацией имеет под собой разные основания. Возможно, не последнюю роль сыграли знаковые случаи того, как первые лица страны представляли свое отношение к ряду ключевых социально-экономических вопросов, оказавших влияние на жизнь широких слоев населения: сначала говорилось о недопустимости тех или иных болезненных для населения действий со стороны власти, а затем происходило обратное. Пример — известная тема готовности «лечь на рельсы» в случае, если радикальные экономические реформы приведут к резкому повышению цен в начале 1990-х годов. Характерный пример последнего времени — пенсионная реформа: долгое время представители власти говорили о нецелесообразности повышения пенсионного возраста, но в середине 2018 года на законодательном уровне было принято обратное решение.

Массовый дискурс о вакцинации: признаки ценностного раскола

Проблематика пандемии, в том числе тема вакцинации, получила широкое отражение в информационном пространстве — как в официальных офлайн- и онлайн-медиа, так и в социальных сетях. Причем интенсивность дискуссий здесь была высокой, а эмоциональная окраска далека от радужных тонов. В массовом социально-политическом и культурном языке новейшего времени укоренились черно-белые понятия, делящие людей на правильных и неправильных — «ваксеров» и «антиваксеров», «прививочников» и «антипрививочников», «вакциноманов» и «ковид-диссидентов» и т.п. В целом это отражало раскол общества на сторонников и противников разных ответов на вопросы о новой пандемической реальности [12. С. 36].

Изначально подход российских властей к вакцинации был достаточно умеренным — преобладала точка зрения о необходимости самостоятельного решения каждого. Постепенно, по мере приближения третьей волны коронавируса в июне-июле 2021 года тональность подачи информации изменилась. Несмотря на заявления Президента, руководства Совета Федерации и Государственной Думы о необходимости соблюдения принципа добровольности вакцинации стали звучать оценки другой направленности, зачастую со стороны руководителей Роспотребнадзора, Министерства здравоохранения, глав

российских регионов, которые непосредственно отвечали за борьбу с коронавирусной инфекцией, что и нашло выражение в медийном пространстве.

Можно выделить несколько типов критических аргументов в адрес граждан, не желающих делать прививки, т.е. в пользу обязательной вакцинации. Наряду со взвешенными аргументами в пользу вакцины как наиболее эффективного средства профилактики коронавирусной инфекции достаточно многочисленными были иные суждения. Первая группа аргументов связывала нежелание обязательной вакцинации с низким уровнем просвещенности или невежеством, и это не только российский феномен. Известная публицистка А. Латынина писала, например, что «российские антиваксеры не являются чем-то уникальным. В Африке не хотят вакцинироваться, чтобы белые не поставили чипы, в Пакистане не хотят вакцинироваться, чтобы неверные не поставили чипы, в Америке реднеки и чернокожие отказываются вакцинироваться, причем, согласно либеральным медиа, реднеки отказываются из-за своего вопиющего невежества, а чернокожие — из-за многовекового расизма и угнетения, а также “глубокого недоверия к существующим институтам”» [2].

Близка к теме невежества идея о неприятии вакцинации из-за широко распространившихся косности и страха. Например, в фокусе общественного внимания оказалось мнение депутата Госсовета Республики Татарстан и телеведущего И. Аминова: «Люди — это те же животные. Существует закон стада. Необходимо привить больше 60 % особей, чтобы сформировался коллективный иммунитет. И если безмозглому барану уже ничего не объяснить, нужно заставить его ради выживания всего стада» [11].

В дискурсе о необходимости обязательной вакцинации присутствовала тема национального характера и традиций, которые в отдельных проявлениях обладают «дефектностью», что и предопределяет необходимость авторитарных решений. «Что же делать? ...Надо перестать играть в свободный выбор, а действовать старым добрым приказом. ... Ведь русский человек и сам чувствует в душе своей некий анархизм, неорганизованность, слабую способность к самодисциплине и оформлению жизни. И в глубине души взыскует начальника, который бы ввел его в рамки, принял на себя труд наведения порядка в его жизни» [3]. Более того, апелляция к «сильной руке» зачастую обосновывалась принципиальной неспособностью «неправильных» граждан сделать разумный выбор. Характерен эмоциональный пост в Фейсбуке популярного российского писателя С. Лукьяненко [9], где просматривается намерение достаточно жестко разделить россиян в связи с вакцинацией на избранных и отверженных. Известный политолог С. Марков, отмечая сложную эпидемиологическую обстановку в стране в середине 2021 года, отметил «полный провал государственной пропаганды... Напрашивается комплекс мер... Жесткое заявление властей, что теперь навсегда права вакцинированных и невакцинированных будут отличаться. И вакцинирование — это общественно необходимое действие. Вакцинация — это гражданский долг, это патриотический долг, это семейный долг, это должно быть лозунгом медицинской диктатуры» [7].

Информационное давление, связанное с доведением властной повестки до населения, в частности, в связи с обязательностью вакцинации, не всегда встречало понимание. Сомнение у многих вызывали, например, способ вакцинации как единственного средства борьбы с ковидом, требование информированного согласия вакцинирующихся в условиях недостатка знаний о механизмах и побочных эффектах вакцин, противоречивые заявления руководства медицинских и надзорных органов об источниках, причинах и статистике распространении коронавирусной инфекции. Граждане были все менее «склонны доверять официальной статистике. Фактически одним из неочевидных следствий пандемии становится интоксикация статистической информацией. При этом все большему количеству людей становится очевидным, что чиновники и эксперты используют статистику по своему усмотрению» [6. С. 212]. К тому же практическая реализация мер борьбы с инфекцией была переведена центральными органами власти на уровень регионов. Меры эти осуществлялись в рамках указов и предписаний административного порядка, не всегда соотносящихся с конституционными нормами.

В условиях цифровой информационной среды сложно было минимизировать альтернативные — по отношению к официальным — точки зрения. Более того, интерактивная природа Интернета и особенно социальных сетей способствовала включенности людей в обсуждение актуальной проблематики. Важной особенностью этих средств является и то, что технологически сети выступают средством формирования сообществ, в которых участники согласны между собой по ключевым вопросам, а носители иных представлений маргинализуются (эффект «эхо-камер» социальных сетей), что с очевидностью проявилось в обсуждениях ковидной проблематики и особенно обязательной вакцинации.

Немаловажным фактором, усугубляющим ситуацию, был минимальный на период исследования показ в СМИ точек зрения в профессиональном медицинском сообществе. Как в российском, так и в мировом информационном пространстве точки зрения, отличающиеся от рекомендаций ВОЗ и российского медицинского истеблишмента, были практически выведены за скобки обсуждений. Это обстоятельство становилось все более важным по мере того, как действительность демонстрировала противоречивые примеры протекания, результатов лечения и последствий covid-19. Общеизвестно, что престиж медиа зачастую играет меньшую роль в формировании представлений, нежели межличностные контакты даже в стабильной ситуации. Применительно к кризису, предметом которого является здоровье людей, это тем более так: в условиях давления официальных медиа граждане еще активнее обращаются к опыту родных и близких, знакомых врачей. На этой основе происходит формирование взглядов и оценок, а также радикализация и противопоставление людей, что имеет далеко идущие негативные последствия с точки зрения консолидации общества.

Не так давно по историческим меркам наша страна переживала ситуацию, когда радикальные реформы 1990-х годов вызвали культурную травму

населения России и дезинтеграцию общества, в ходе которой возник ценностный разрыв [5]. Как было показано выше, сейчас в медиасреде наблюдается активное противопоставление различных групп общества в связи с вакцинацией, которое затрагивает фундаментальные представления людей о защите здоровья, правах личности и общества, границах вмешательства в частную жизнь и др. В этой связи важно, чтобы государство использовало механизмы управления для минимизации политических и культурных угроз, применяло стратегии, сдерживающие нарастание ценностных разрывов в обществе.

Библиографический список

1. Артамонов Р.Е., Лаврентьев Н.В. Общественное мнение в течение года пандемии: оценки событий и тенденций // «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии covid-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. М., 2021.
2. Бунт невежд. Юлия Латынина рассказывает историю вакцинации и борьбы с ней // URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/07/bunt-nevezhd>.
3. Воеводина Т. Прививаться не хотят // URL: https://zavtra.ru/blogs/privivat_sya_ne_hotyat.
4. Казун А.Д., Казун А.П. Волновая (де)проблематизация: освещение пандемии коронавируса в России на федеральном телеканале // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6.
5. Кара-Мурза С.Г. Ценностный разрыв как политическая проблема // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2.
6. Кузнецов Г. Реституция власти: пандемия, экспертократия и новая политическая реальность // Прощай, covid? / Под ред.: К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденкова, Д. Кралечкин, П. Сафронов. М., 2020.
7. Марков Сергей // URL: https://vk.com/wall382620481_25939.
8. Михеев Е.А., Нестик Т.А. Психологические механизмы инфодемии и отношение личности к дезинформации о covid-19 в социальных сетях // Социальная и экономическая психология. 2021. № 1.
9. Писатель Сергей Лукьяненко живописал, что сделал бы с противниками вакцинации // URL: <https://newizv.ru/news/society/21-06-2021/pisatel-sergey-lukyanenko-zhivopisal-cto-sdelal-by-s-protivnikami-vaktsinatsii>.
10. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Мирошниченко И.В. Дискурс «конституционные поправки» и «пандемия коронавируса» в цифровой политической повестке дня в 2020 г.: агитация vs сдерживание в официальных СМИ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. № 2.
11. Савельев М. «Маски брошены, это что-то нереальное»: россияне врезали депутату, назвавшего их «безмозглыми баранами» // URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210727-maski-broseny-eto-cto-to-nerealnoe>.
12. Социология пандемии. Проект «КоронаФОМ» / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М., 2021.
13. COVID-19 medical misinformation policy // URL: <https://support.google.com/youtube/answer/9891785?hl=en>.
14. DeFleuer M., Ball-Rokeach S. Theories of Mass Communication. N.Y., 1989.
15. Edelman Trust Barometer 2021 Global Report // URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer>.
16. Novel Coronavirus (2019-nCoV): Situation Report — 13 // URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200202-sitrep-13-ncov-v3.pdf?sfvrsn=195f4010_6.
17. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 1.

18. Trotsuk I.V. Excessive faith in certainty and its public proponents in the non-linear uncertain world: Reasons and . . . more reasons // Russian Sociological Review. 2021. Vol. 20. No. 4.
19. Yastrebov O.A. Compulsory vaccination: Public benefit or individual's right limitation // RUDN Journal of Sociology. 2021. Vol. 21. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-275-290

Social representations of covid-19 in the unstable information environment (a mid-2021 study)*

M.M. Nazarov¹, V.N. Ivanov^{1,3}, E.A. Kublitskaya²

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

²Institute for Demographic Research of FCTAS RAS

Fotieva St., 6-1, 119333, Moscow, Russia

³RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: vy175867@yandex.ru; vilen_ivanov@bk.ru; eakubl@yandex.ru)

Abstract. The relevance of studying the social consequences of the covid-19 is determined by the fact that this transforming event affected the most diverse aspects of life in the Russian society. The article presents the results of the survey conducted on the sample of the Moscow residents in mid-2021. The majority of respondents considered the coronavirus as a dangerous disease that should be taken seriously. The phenomenon of coronavirus, due to its complexity, poor knowledge and mass distribution, has acquired not only a biomedical, but also a political, economic and media dimension. The information field about the origin, sources and measures to combat this disease experienced changes over time and was often contradictory. A typological analysis showed that there are several groups with different social ideas about the origin, control measures and social consequences of the covid-19. A significant group — about a half of respondents — shared ideas that were alternative to the official and dominant interpretation of the coronavirus in the information field. The study revealed that the agreement on the dangers of the coronavirus was combined with the priority of personal choice of means to combat it. The majority of respondents (61 %) were against the introduction of mandatory vaccination: among the most popular motives were doubts about its effectiveness and fears of its side effects; the priority of individual choice and the rights of citizens rather than the state. A statistically significant relationship was found between attitudes towards mandatory vaccination and trust in government: a low level of agreement with mandatory vaccination obviously correlates with a low level of trust in leading social-political institutions. The authors show that the Russian media discourse on the need for mass vaccination was accompanied by a wide spread of ideas that rigidly differentiate Russian citizens, which cannot but cause concerns about the tasks of ensuring social stability and unity of the Russian society.

Key words: social representations; media; Internet; social networks; infodemia; coronavirus; vaccination; covid-19

References

1. Artamonov R.E., Lavrentiev N.V. Obshhestvennoe mnenie v techenie goda pandemii: otsenki sobytij i tendentsij. “*Cherny lebed*” v *beloj maske*. *Analitichesky doklad NIU VShE k godovshchine pandemii covid-19* [Public opinion during a year of the pandemic: Assessments of events and

* © M.M. Nazarov, V.N. Ivanov, E.A. Kublitskaya, 2022

The article was submitted on 27.11.2021. The article was accepted on 23.03.2022.

- trends. “*Black Swan*” in a *White Mask*. *HSE Analytical Report on the Anniversary of the covid-19 pandemic*. Ed. by S.M. Plaksina, A.B. Zhulina, S.A. Farizova. Moscow; 2021. (In Russ.).
2. Bunt nevezhd. Yuliya Latynina rasskazyvaet istoriyu vaktsinatsii i borby s nej [The revolt of the ignorant. Yulia Latynina tells the story of vaccination and the fight against it]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/07/bunt-nevezhd>. (In Russ.).
 3. Voevodina T. Privivatsya ne khotyat [They don’t want to be vaccinated]. URL: https://zavtra.ru/blogs/privivat_sya_ne_hotyat. (In Russ.).
 4. Kazun A.D., Kazun A.P. Volnovaya (de)problematizatsiya: osveshchenie pandemii koronavirusa v Rossii na federalnom telekanale [Wave (de)problematization: Coverage of the coronavirus pandemic in Russia on the federal TV channel]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 6. (In Russ.).
 5. Kara-Murza S.G. Tsennostny razryv kak politicheskaya problema [The value gap as a political problem]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2015; 2. (In Russ.).
 6. Kuznetsov G. Restitutsiya vlasti: pandemiya, ekspertokratiya i novaya politicheskaya realnost [Restitution of power: Pandemic, expert democracy and new political reality]. *Proshhaj, covid?* Ed. by: K. Gaaze, V. Danilova, I. Dudenkovf, D. Kralachkin, P. Safronov. Moscow; 2020. (In Russ.).
 7. Markov Sergey. URL: https://vk.com/wall382620481_25939. (In Russ.).
 8. Mikheev E.A., Nestik T.A. Psikhologicheskie mekhanizmy infodemii i otnoshenie lichnosti k dezinformatsii o covid-19 v sotsialnyh setyah [Psychological mechanisms of infodemia and the individual attitude to disinformation about the covid-19 in social networks]. *Sotsialnaya i Ekonomicheskaya Psikhologiya*. 2021; 1. (In Russ.).
 9. Pisatel Sergej Lukyanenko zhivopisal, chto sdelal by s protivnikami vaktsinatsii [The writer Sergey Lukyanenko described what he would do with the opponents of vaccination]. URL: <https://newizv.ru/news/society/21-06-2021/pisatel-sergey-lukyanenko-zhivopisal-chto-sdelal-by-s-protivnikami-vaktsinatsii>. (In Russ.).
 10. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Miroshnichenko I.V. Diskurs “konstitutsionnye popravki” i “pandemiya koronavirusa” v tsifrovoy politicheskoy povestke dnya v 2020 g.: agitatsiya vs sderzhivanie v ofitsialnykh SMI [The “constitutional amendments” and “coronavirus pandemic” discourse in the digital political agenda in 2020: Agitation vs containment in the official media]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 2021; 2. (In Russ.).
 11. Saveliev M. “Maski brosheny, eto chto-to nerealnoe”: rossiyane vrezali deputatu, nazvavshego ih bezmozglymi baranami [“Masks have been dropped, this is something unreal”: Russians hit a deputy who called them ‘brainless sheep’]. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210727-maski-broseny-eto-cto-to-nerealnoe>. (In Russ.).
 12. Sotsiologiya pandemii. Proekt “KoronaFOM” [Sociology of the pandemic. The “CoronaFOM” project]. Ed. by A.A. Oslon. Moscow; 2021. (In Russ.).
 13. COVID-19 medical misinformation policy. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/9891785?hl=en>.
 14. DeFleuer M., Ball-Rokeach S. *Theories of Mass Communication*. New York; 1989.
 15. Edelman Trust Barometer 2021 Global Report. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer>.
 16. Novel Coronavirus (2019-nCoV): Situation Report — 13. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200202-sitrep-13-ncov-v3.pdf?sfvrsn=195f4010_6.
 17. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).
 18. Trotsuk I.V. Excessive faith in certainty and its public proponents in the non-linear uncertain world: Reasons and . . . more reasons. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (4).
 19. Yastrebov O.A. Compulsory vaccination: Public benefit or individual’s right limitation. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (4).